

В.В. Дерябин

* * *

Тысячу раз прав был Людовик XIV, когда говорил: «Государство – это я». Любой коллектив, а лаборатория особенно – это «я» его руководителя. В 1967 г., когда я пришел в Лабораторию химии углеводов, Николаю Константиновичу Кочеткову было всего 52 года. Кажется, в журнале «Англия» тогда было напечатано такое стихотворение в русском переводе:

К себе нас вечно Ричард Кори влек.
Бывало, вслед ему глядят –
Красив, породист, царственно высок.
Он джентльмен был с головы до пят.
Всегда со вкусом сдержанно одет.
Всегда со всеми в обращении мил.
Но заставлял он пульс дрожать в ответ,
Когда он «С добрым утром!» говорил.

Не знаю, кто такой Ричард Кори, но портрет был явно списан с Николая Константиновича!

В тот год вышла «Книга жизни», правда, почему-то в черной обложке – «Химия углеводов». Авторы – все равны! Может быть, еще и из-за любви Кочеткова к Англии возникал призрак Камелота, короля Артура и его рыцарей круглого стола. Остальные сотрудники Лаборатории – верные оруженосцы. Мне кажется, в то время не было никого в ИОХ, кто бы не завидовал сотрудникам Лаборатории химии углеводов. И не потому, что это была директорская лаборатория. В ней был удивительный напор и энтузиазм не только в работе.

С таким же энтузиазмом отмечали и праздники. К праздникам придумывали остроумные песни и плакаты. На одном из плакатов был каламбур: «Глюкоза ностра». Это придумал Володя Дашунин. Впрочем, Володей его было немножко неловко называть: он почти на 20 лет был старше

меня. Это был удивительно доброжелательный и остроумный человек. У него была очень несладкая жизнь. Он так и не смог переступить через себя и сдать кандидатский экзамен по истории партии. Каламбур был недалек от истины. Лаборатория представлялась Семей, связанной любовью к химии углеводов. Но любят ли такие семьи сторонние люди?

Сейчас тем, кто знает, представляется курьезом, что великого русского химика Д.И. Менделеева так и не избрали в свое время действительным членом Академии наук. А большинству это не интересно. Точно также мало кому интересно, что Н.К. Кочетков впервые баллотировался в академики в 1967 году, а был избран только через 12 лет. Прежде всего, это, безусловно, было несправедливо. Николай Константинович был в нашей стране основателем обширнейшей области органической и биоорганической химии углеводов. Но тогда это не могло не сказаться на деятельности Лаборатории.

Дело было еще и в том, что выборы в Академию проходили в стенах ИОХ, где Кочетков был директором. В директорском кабинете (его кабинете!) на время выборов располагались члены академии, которые, кажется, там и голосовали, а в актовый зал набивались сотрудники ИОХ и других институтов послушать и посмотреть, кто что будет о Кочеткове говорить и как будут голосовать. Понятно, что у каждого кандидата были свои болельщики.

Представьте себе, что в замок короля Артура прибывает группа не очень дружелюбно настроенных рыцарей, выселяет его на время из тронного зала, занимает круглый стол и начинает обсуждать при челяди, достоин он чего-то или еще нет. И так несколько раз. Каково было Николаю Константиновичу? Думаю, что у него честолюбия было гораздо больше, чем у короля Артура.

Празднование в Лаборатории присуждения Н.К. Кочеткову звания академика. 1979 г.

В 1979 году, когда Кочетков наконец стал академиком, Карп Адамянц, не сдерживая радости, сказал «Теперь мы им покажем!». Кто МЫ, кому ИМ, и что ПОКАЖЕМ? К этому времени ушел из Лаборатории Бочков, через несколько лет ушел Дмитриев, на моей памяти начали уходить младшие научные сотрудники. Пришли новые ребята. Николай Константинович стал лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда. Но это уже другая история.